Луна и Звезда

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и не было у него детей. Вот они просили бога, чтоб дал им на утешенье детище. Чрез несколько времени стала государыня в тягости: очень они обрадовались, и родилась у них дочь, нарекли ей имя Луной. И так рад был государь! Выписали придворных всяких — учить ее... Через несколько времени стала опять государыня в тягости, и так все рады были, что бог дал ей такое дарованье. Родилась у них еще дочь, и дали ей имя Звезда. И такие они красавицы были, уму непостижимо! Красоты неописанной. И так растут эти красавицы, все приезжают, дивуются на них. Было им уж эдак лет 12, было которой-то дочери рожденье. Сделал царь бал диковинный. Из всех городов, губерний съехались поздравлять, всякий желал их красоту видеть. Пошли в сад прогуляться, а папеньку и маменьку оставили дома. Вдруг Вихорь набежал, схватило обеих сестер и понесло. Все гости кричат, сделался необыкновенный крик. А Вихорь их все несет выше и выше. Все гости кричат, государь выбежал: «Что такое, что такое?». — «Ах, батюшка-царь! Вон ваши детки!». Он так и упал без памяти.

Все сенаторы послали сейчас всех солдат разыскивать: может, где-нибудь упали. Искали, искали, нигде не нашли. Смотрят, в необыкновенные зеркала глядят, не видно ли их где? Нет, не видно. Волхвов спрашивали, искали день, и два, и три, неделю и больше. Так и месяц проходит, нет... В лесах искали, не нашли. «В море, стало быть, — говорят, — упали!».

Год прошел и другой. Потом через несколько лет государыня стала в тягости, родила Ивана-царевича. И растет он не по дням, а по часам, и такой умный, разумный! А государыня все плачет, неутешно плачет по своим по дочерям, по Луне и Звезде. Иван-царевич приходит: «Маменька, милая, что вы плачете?». — «Нет, говорит, ничего». — «Маменька, милая, скажите!». — «Ах, друг мой Ванечка, было у меня еще две дочери прежде тебя». — «Где же они?». Она ему и рассказала. «И нет о них ни слуху, ни духу!». «Маменька, говорит, позвольте: я пойду сестриц разыскивать». «Нет говорит, не ходи, не найдешь. Дочерей, говорит, мы лишились и тебя лишимся!». Всячески просила. Отец узнал, упрашивал, потом призывает министров: «Вот, говорит, господа-сенаторы, мой сын день и ночь плачет, хочет идти сестер разыскивать!». Говорят сенаторы: «Отчего не

благословить, когда у него такое желание?». — «Как, говорит, в таких вьюных летах? Как бы слухи, говорит, были какие?». Очень он на государыню гневался: «Зачем внушали ему?». Думали, думали, так и благословили. «Я, говорит, без всего иду, только с вашим благословением!». Он так и пошел. «Маменька! — говорит. — Не плачьте, не тужите, я отыщу своих сестриц!». Идет он неделю и две лесом и вдруг видит двух леших высочайших, и дерутся. «Ах, говорит, Иван-царевич, рассуди нас, пожалуйста». Три вещи у этих леших: скатерть-самобранка, сапоги-скороходы, шляпа-невидимка. Иван-царевич и говорит: «Вот, говорит, вам верста, кто к ней прежде прибежит, тому две вещи, а кто после — одна». Бегут они, друг дружку обгоняют, добежали и ворочаются, а этот Иван-царевич надел шапку-невидимку, не видно его. «Ах, где Иван-царевич? Где Иван-царевич?». Бегают круг него, а его не видят. Искали часа три, плачут, бросились в лес искать, а этот Иван-царевич скинул шапку-невидимку, надел
сапоги-скороходы, как шагнет, так пять верст, как шагнет, так пять верст. Есть ему захотелось. «Ну, говорит, скатерть, развернись!». Вдруг явились всякие кушанья, напитки. Идут дорогой мужики. Он и зовет их: «Мужички! Пожалуйте сюда. Садитесь, говорит, пожалуйста». Вот они сели, напились и наелись. Иван-царевич и думает: «Слава богу, все у меня есть!». А эти мужики дивятся, поблагодарили его, пошли. Пошел и он, приходит в лес дремучий. Стоит избушка, повертывается на курьих коленках. «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, ко мне передом!». Она повернулась. Он входит в эту избу, а там баба-яга, старуха-волшебница. «Ныне, говорит, русский дух вочью является! Что ты, Иван-царевич, дело пытаешь или от дела лытаешь?». — «Вот у меня, говорит, две сестры пропали: не знаешь ли, не слыхала ли?». — «Знаю твоих сестер. Их духи унесли, тебе их не достать. Такие-то Вихри сильные, волшебные. Тебе нельзя и подойти. Сестра Луна, говорит, в серебряном дворце, а Звезда в золотом дворце. Ты и не найдешь их: далеко, далеко!». — «Нет, говорит, я пойду». — «Ну, ступай, там моя сестра. Вот тебе клубочек, куда клубочек покатится, туда и иди и придешь к моей сестре». Он поблагодарил, покатился клубочек, он идет, с неделю шел до второй ее сестры. Приходит. Та еще сердитее, злее. «Я, говорит, сердита, хитра, мудрена, а третья еще злее. Вот тебе, говорит, платочек, отдай от меня в подарок. Она тебя примет». Вот он опять пошел по клубочку, приходит, платочек ей подал от сестры в подарок. «Ну, говорит, какое твое дело?». — «Я, говорит, ищу своих сестер. Не знаешь ли ты, где мои сестры?». — «Луна, говорит, у первого Вихря, только там стена каменная и двенадцать человек стоят день и ночь, тебя не пропустят. А про

другого Вихря нечего и говорить: очень зол». Вот он распростился, пошел.

Подходит к этому дворцу. Стена каменная высочайшая: ни под каким видом нельзя взлесть на нее, и двенадцать человек стоят день и ночь. Подходит и просит он, чтоб его впустили — ни за что не соглашаются. Он надел шапку-невидимку, перелетел туда. Видят часовые: он во дворе ходит. «Ну, говорят, как бы мы согласились! Это нас дух испытывал!». А Иван-царевич пошел во дворец, вошел в одну горницу, никого нет, вошел в другую, в третью, в пятую горницу взошел, на диване почивает его сестра Луна, уж такая красота. Она лежит, почивает крепким сном. «Милая сестра! Проснись, пробудись! Папенька-маменька прислали поклон». — «У меня, говорит, братьев нет». Он рассказал ей, она обрадовалась, испугалась. Плакала, плакала с радости. «Ах, говорит, ведь, сейчас Вихорь прилетит, он тебя, говорит, на мелкие части разорвет!». — «Не боюсь, говорит, я никого на свете». — «Ах, он, говорит, злой!». Иван-царевич показал ей шляпу-невидимку, успокоил ее. Вдруг летит Вихорь, Иван-царевич сейчас на себя надел шапку-невидимку: не видно его. «Ах, говорит, Луна, у тебя русским духом пахнет, верно, твой брат пришел». — «У меня нет братьев». Вот этот Вихорь бросился искать, искал везде, и в шкафах и в сундуках, нигде не может найти. «Верно, говорит, твой брат приехал!». — «Да хоть бы приехал, что бы ты сделал?». — «Ничего», — говорит. Она и говорит: «Иван-царевич, покажись!». Он снял шапку-невидимку. Видит Вихорь и говорит: «Я, говорит, хитер, а он еще мудренее. Как, говорит, вас сюда занесло?». — «Да, говорит, меня кровь заставила искать, вот я и нашел». Сейчас сестра побежала кушать принести. «Не беспокойся! Я, говорит, сам тебя накормлю. Скатерть, развернись!». И явились разные кушанья и напитки. Вихорь кушает, хвалит: «Ах, в России какие кушанья, какие напитки!». И живет Иван-царевич неделю и две «Я, говорит, тебя, сестра, увезу». — «Нельзя, говорит, он догонит, убьет. Надо, говорит, лучше к Звезде зайти, за ней там царь-девица живет, она власть большую имеет над этими духами». Распростился Иван-царевич, поехал к другой сестре, Звезде.

Приезжает к дворцу, стоит стена высочайшая. Стоят 12 человек, никого не пускают к дворцу. А той Звезды муж над всеми Вихрями Вихорь, самый удушливый. Также часовые Ивана-царевича не пропустили, он надел шапку-невидимку, прошел, они и говорят: «Вот он уж во дворе ходит, это нас сам дух любопытствовал». Взошел Иван-царевич в первую комнату — нет никого, во вторую, третью, в пятой комнате его сестра Звезда, еще прекраснее, крепким сном почивает: «Милая сестрица! Проснись, пробудись, к тебе брат пришел, от отца-матери поклон принес». — «Нет,

говорит, у меня братьев». Он ей рассказал все... Она так рада, так рада... Только она и говорит: «Да ведь у меня лютый Вихорь, он тебя на части разорвет». — «Не беспокойся, говорит, он меня не увидит». Показал ей шапку-невидимку. Прилетает Вихорь. «Ах, говорит, Звезда, верно, твой брат пришел». — «У меня, говорит, нет братьев». — «Нет, говорит, русским духом пахнет, верно, пришел, покажи!». — «Да ты его разорвешь!». — «Ей-богу, говорит, не разорву». Иван-царевич шапку-невидимку снял, гостил и у них также. Вот и говорит он Звезде: «Я, говорит, тебя увезу!». — «Нет, догонит нас Вихорь. А вот в этом государстве есть царь-девица, и она имеет большую силу над этими духами. Она, говорит, тебя желает видеть». Вот погостил Иван-царевич у сестры неделю и две, распростился, поехал.

Приезжает к царь-девице. Уж так царь-девица обрадовалась. Красавица из себя царь-девица. «Ах, Иван-царевич, как вас бог сюда занес?». — «Кровь, говорит, меня привела. Сделай, говорит, мою просьбу: нельзя ли моих сестер избавить? Вас, говорит, возьму в супружество». Она и говорит: «Хорошо, говорит. У меня есть 12-главый змей, на цепях двенадцать лет прикован, я его спущу, он победит Вихря». Поговорили они тут. «Ну, говорит, Иван-царевич, пойдем к змею!». Пришли, она и спрашивает этого змея: «Можешь ли ты победить вот этих двух духов — Вихрей?». — «Могу, говорит, только дайте мне время на месяц вволю говядины и пива, что мне угодно». Выпустили этого змея и дают ему каждый день по быку пищи и по котлу пива, стал змей поправляться. Прошел месяц, взял змей свое оружие, полетел. «Ждите», — говорит. Полетел он к этим духам. Духи слетаются, сражались, сражались, 10 голов сшибли, а он их огнем, когтями. Убил, туловище бросил в море, головы повез к царь-девице.

Иван-царевич с царь-девицей едут в поле верхами, приняли змея с радостью. Приезжают к Звезде. «Милая сестрица! Вот что царь-девица для нас сделала!». Радовались, веселились. А змею дали волю-свободу, пил и ел, что хотел. Змей так рад, так рад, что остался на свободе. И опять 12 голов ему приросли: потому змей — дух. Пировали у Звезды с неделю. «Что-то, говорит, теперь Луна думает: не видит своего духа!». Иван-царевич и говорит: «Ну, сестра, сбирайся, пойдем!». — «Что мне сбираться?». Вышла на крылечко, промолвила словечко, покатила яичко по золотому блюдечку: «Скатайся мой дом в золотое яичко! Ковер-самолет! Влетай ко мне!». Явился ковер-самолет, полетели к Луне втроем. Приехали к сестре. «Ну, милая сестрица, надо нам сбираться!». Вот она вышла на крылечко, промолвила словечко, покатила яичком по серебряному блюдечку, скатился дом в серебряное яичко. Сели на ковер-самолет, полетели в свое государство,

прилетели, как птицы. Вышли в сад, выкатили яичко — дворец, другое — другой. Едет посланник, докладывает царю: «В вашем саду явилось два дворца!». Вышел царь, узнал все. Такая радость была. Собрался бал, Иван-царезич женился; царь ему свое царство отдал. Стали жить-поживать да добра наживать.

(Село Котовка Ардатовского уезда Нижегородской губернии)

Великорусские сказки в записях И. А. Худякова. Издательство "Наука". Москва-Ленинград, 1964.